

Вячеслав Игрунов

«Как медленно солнце садится»

* * *

Вот и всё,
Франция пала...
Остальное
не имеет значенья.
Медленно солнце вползает
в умирающий мир.
Где-то плачет ребенок.
Крякнув, утка взлетела,
оставив круги на воде
остывающей Сены...

* * *

Забудь меня,
как ты забыла лето,
когда ласкал тебя я грубыми руками,
и сладко ныли губы меж губами,
и бесконечно было небо.

Между нами
уже легли дороги и дороги.
Ты ждешь звонков, я жду тебя в тревоге...
Забудь меня! –
и я уйду с порога

* * *

Красивая девушка уснула
у парня на плече.
Едва
подрагивают веки.
И под стук колес
вот-вот взлетят изломленные брови.

Я думаю о том, как я любовью болен
в мои уже, увы,
преклонные года.

* * *

Снегу намело!
И слава Богу! –
нет причин для выхода из дома.

* * *

Я мыслил себя
в садах Академа
бредущим со стаей безусых мальчишек.
Но время прошло –
из жизни моей не сложилась поэма
о дружбе и счастье.
И я –
не учитель.

* * *

Без страха просыпаюсь.
Мне
дано благословенье свыше:
я больше не один –
вот мой ребенок дышит,
потягиваясь сладостно во сне.

* * *

Живи
своею мечтою,
тайною страстью,
ожиданием чуда.
И знай,
надежда напрасна,
свершенья не будет.

* * *

Наша тайна умрет вместе с нами.
С годами
это место травой порастет и кустами
вездесущего тёрна.

* * *

Усталость в суставах и мышцах копится,
она бесконечно ночами мне снится –
и спать не дает.
А я, просыпаясь, листаю страницы
забытых стихов.
Любимые лица
взирают с укором из ночи тревожной
и долго не тают –
как будто мы с ними забыли проститься,
расставшись навеки.

* * *

Вот незадача:
запущен сад, обветшала дача,
нет ни времени, ни сил, ни денег...
в сенях валяется истертый веник,
пыль на полу,
в углах паутина,

жук ползет по любимой картине.
Глаза боятся
и руки бессильны,
душа утопает в пронзительной сини
вечернего неба...
В тоске и печали
я снова мечтаю
о сыне...

* * *

Я вынесу старенький стол
и поставлю под елью,
вынесу кресло и чашку зеленого чая,
сяду на запад лицом
и стану спокойно смотреть,
как медленно солнце садится...

* * *

Шуршание листвы совсем невыносимо.
Мне чуждаются шаги
и голоса... –
там, за стеной, в гостиной...
Меня терзают призраки. И звуки
врываються в мой дом откуда-то извне,
и слышатся беда
в печальном мерном стуке,
и ветра стон
в распахнутом окне.

* * *

Уже теплеть начинает.
За лесом
солнце встает, золотясь за стволами
чернеющих сосен.

Ночью холодной я думал о том,
что же будет меж нами,
когда беспощадная осень
нас разбросает по свету.

* * *

Высох ручей,
но в русле его
ирис болотный цветет меж камнями.
Неужели на будущий год
и ему неостанет живительной влаги,
чтобы вновь зацвести?

* * *

Я уже все написал.
Все,
что без страха возможно доверить бумаге.
Отрешившись от дел,
я из дома могу навсегда уходить,
взявши за руку сына.

* * *

Я думал о доме.
Я думал о себе.
Я собирался в путь к цветущим сливам.
Не выпала мне участь быть счастливым...
на земле.

* * *

Я повстречал себя в дороге
на пути
в страну, откуда нет возврата,
и грустно было видеть,

как мечты
остались в прошлом,
где я жил когда-то.

* * *

пой, пой мне, дождь, молитву,
пой песню радости,
пой песнь любви! –
я буду слушать шепот мокрых листьев
и буду ждать
прихода темноты.

* * *

Мне что-то снится.
Я сна не понимаю:
чужие лица,
чужие города...
мне слышатся слова, которых я не знаю,
и сердце бьется,
и дрожит рука...

* * *

Стихи приходят сами.
Без меня
располагаются, ложась на лист бумажный.
Я лишь слежу за тем,
чтоб их рисунок влажный
изящен был.

* * *

До времени
пошли дожди.
Вобравши влагу слез, тоска моя пустила

побеги новые.
Вольготно им расти!

* * *

Я остался один,
без друзей,
без любимых.
Мне не пишет никто
и никто не звонит мне,
отныне
радость осталась одна у меня –
каждый день видеть сына.

* * *

Солнце садится.
И тени
длиннее становятся,
тянутся дальше и дальше.
Под елью столетней
я пробудился от сна,
коснувшись рукою нечаянно
книжки упавшей.

* * *

Невыносимый зной
и дым
дожди сменили.
Ни радости, ни света, ни тепла...
Проходит день за днем
и жизнь течет уныло
с тех пор как ты ушла.

* * *

Вдруг солнце проглянуло –
и снова облака,
и снова хлынул дождь.
Я в одиночестве по комнатам хожу уныло,
бумаги ворошу на письменном столе,
мне смутно кажется,
что ночью что-то было...
Быть может, я писал стихи тебе?

* * *

Ворох бумаг на столе,
дневники,
черновик недописанной книги,
да и время за сыном мне в школу идти...
Глянешь –
столько нелепых преград на пути!
Видно,
рано мне думать о Боге...

* * *

Не плачь, мой мальчик!
Я буду с тобою всегда...
пока жив.
Ты напрасно проснулся –
я,
ненадолго тетрадь отложив,
вышел.
Дай, я укурю тебя!
Посмотри!
Видишь в окне
вечно Полярная светит звезда?
Так и я
буду рядом с тобою, пока
жив.

* * *

Пусто в моем мире,
и я молюсь о том,
чтоб Бог мне дал спокойствие надолго –
без праздных встреч,
без глупой суеты
я в чтение бумаг уйду, не выходя из дома,
листая даты,
вороша листы,
я стану вспоминать своих любимых,
я книги соберу
и вместе с сыном,
беседуя до полной темноты,
составлю список дел необходимых.

* * *

Ты можешь видеть:
год за годом
уходят дни,
которых так немного отпущено любому человеку,
и жизнь становится бедней и суше.
Когда ты не придешь
и буду я один
и мне останется лишь гулкий ветер слушать,
я растворю окно,
и наступивший вечер
пусть хлынет в дом
и пусть мою свечу
потушит.

* * *

Оставив все дела,
любясь кронами берез и стройных сосен,
я буду наблюдать, как входит осень
в мой опустевший дом.

* * *

Я книгу отложу –
когда печально мне,
мне книга не помощник.
В тишине
я буду вспоминать,
как полон дом мой был,
и буду размышлять о том,
как круг друзей непрочен.

* * *

Роняет ветер птиц в глухие переулки
и листья желтые, и пыль несет с собою.
Среди пустых домов, объятых тишиною,
брожу один.

* * *

В жизни мало свободы,
но той,
которая есть,
достаточно чтобы любить.
Птица любви моей!
ты в кулаке зажата –
так что же
я боюсь тебя отпустить?

* * *

О, сад камней –
сад слов моих упрямых,
тобой могу я любоваться бесконечно!
Среди теней и красок быстротечных
я пристально ищу
скрещенье чувств,
скрещенье смыслов вечных.

* * *

Тропинки в заросшем саду никуда не ведут,
они обрываются в гуще деревьев.
Ручей не журчит,
и в русле давно пересохшем растут
ирис болотный и розовый клевер.
Воздух спокоен,
ни звука, ни ветра,
только листья валяются, и, кажется, где-то
птица вспорхнула.
Белка прыгнула с ветки на ветку.
Изумрудная капля на ели искрится.
Солнце садится...
В доме пустынном один наблюдаю,
как последние теплые дни истекают
бабьего лета.

* * *

День прошел –
ни стиха, ни страницы.
Но зато мы с ребенком собрали сушняк
и следили за тем, как костер разгорится,
как дымок, поднимаясь с поленьев, змеится
и в небо уходит.
Перед дождями
сгребали с дорожек опавшие листья
и беззаботно могли веселиться,
швыряя друг в друга чудесные хлопья,
шуршащие осенью.
Теплый картофель,
испеченный в золе и остывший немного,
был вкусен и сладок.
Хоть к вечеру ветер слегка разгулялся,
из сада
нам уходить не хотелось.
Тревога

моя растворилась бесследно в веселье
ребенка.
Но только на время.

* * *

Так радостно нам было вместе с сыном,
и женой,
и старыми друзьями!
И все, кого мы любим, были с нами.
Давно
мы столько не смеялись в нашем доме...
...Но я проснулся –
за окном темно,
орешник бьется ветками в стекло,
и ветер листья по дороге гонит.

* * *

Я проснулся.
А ночью мне снилось
поле чистое.
Босоногим мальчишкой
я бежал по стерне.

Я проснулся,
и кажется мне,
что с тех пор ничего не случилось,
просто
я ребенком заснул...
а потом
пробудился седым стариком.

Москва

